

ТАНЦУЕТ НАТАША БЕССМЕРТНОВА

ЕСТЬ балерины талантливые, есть — выдающиеся. Наталья Бессмертнова — балерина удивительная...

В науке начинают движение вперед от отрицания, в искусстве часто от подражания. Кому подражала Бессмертнова, начиная свой путь в балете? Никому. У нее все свое, незаимствованное, непохожее: случай столь же редкий, сколь и прекрасный.

Смуглое лицо. Гладко зачесанные волосы. И глаза — огромные, тревожные, неутешные — глаза с древней византийской фрески. Это — Бессмертнова крупным планом. А из зрительного зала видны удлинненные, изящные пропорции тела, певучая пластика, неповторимый контур рук...

На днях я смотрела «Щелкунчик», балет, который видела много раз. И вдруг поняла, что переживаю его заново, как премьеру, как откровение. Потому что в нем дебютировала Наталья Бессмертнова. Потому что она создала свой, абсолютно индивидуальный образ, непохожий на ее предшественниц.

Бессмертнова танцует детство. Радостное, доверчивое, беззаботное. Она верит в чудеса, хлопает в ладоши, она веселится, как все дети. Но при всем этом актриса не подделывает себя под маленькую девочку. Мы видим гофмановскую героиню, большую фантазерку, чужую в своей семье, неблагоприятную. Для нее кукла — не просто забава, потому и полюбили ей смешной, нескладный Щелкунчик. Она наделяет его доброй, благородной душой. Трепетный, иллюзорный мир сказок Гофмана, волшебная музыка Чайковского — все это надо было почувствовать, пережить, переплавить, чтобы в танце прошла целая жизнь — от беспечной, детской наивности через мир грез и мечты — к зрелости, к становлению сознания, к предчувствию близкой любви и счастья. Таков путь, по которому ведет свою героиню Наталья Бессмертнова.

Финал спектакля. Маша просыпается... Она счастлива. Но и разочарование есть в ее пробуждении, что-то непрочное, настороженное: сон, который увел ее в волшебную страну, кончился, началась реальность, предугадать

которую невозможно. Что принесет она: сон, мечту, еще более прекрасную или новое разочарование? Так решает актриса задачу, поставленную перед ней режиссером спектакля Ю. Н. Григоровичем.

Разве можно забыть ее искренний «Детский танец», сверкающую вариацию из второго акта или тающий «Вальс снежинок»? Она танцует легко. Движения танца свободны, широки, раскованны. Арабески ее изящны, прыжки настолько воздушны, что балерина кажется нематериальной. Она танцует музыку Чайковского. В ней она чувствует каждый малейший оттенок, воплощая ее движением, танцем, вплетая в ее ткань свою нить, внося в ее звучание свою ноту. Это не постигается, не объясняется, не выучивается. С этим рождаются...

В образах балетной классики трудно открыть новое. Сколько здесь уже дерзало до тебя! А у Бессмертновой есть какие-то свои, особые ходы к образу.

Где она их находит? Вероятно, в произведениях любимых композиторов — Рахманинова, Скрябина, Дебюсси, в книгах Толстого, Шекспира, Стендаля, в картинах мастеров итальянского Возрождения. А, может быть, в спектаклях МХАТа или вахтанговского театра. Во всем, что ее окружает, что видит, переживает... И, конечно, в родной русской природе, которую Наташа так любит...

Вспоминаю «Жизель» — недавний балет с Бессмертновой. Вспоминаю руки балерины, рисующие подвенечный венок, который ее Жизель так и не надела. На сцене не было актрисы, играющей роль. Передо мной совершалась человеческая трагедия. Бессмертнова не играла сумасшествия. Ее Жизель в самом деле сходилась с ума у вас на глазах. Эта роль открыла большое драматическое дарование Бессмертновой.

Наталья Бессмертнова не повторяет на сцене то, что отрабатано в репетиционном зале. Многие добивались успеха и признания, искусно имитируя чувства. Балерина живет на сцене. Она творит. Творит стихийно, самозабвенно, безоглядно.

Техника? Вероятно, специалисты найдут в ней погрешности.

Но, право же, техники просто не замечаешь, когда танцует Бессмертнова, — так заражает она огромной эмоциональной силой.

В балете «Спартак» Бессмертнова — актриса подлинно трагическая. Значительность, масштабность, драматизм образа, как и сложнейшая хореография балета Григоровича, оказались ей вполне по плечу. Ее Фригия при всей своей незащищенности и хрупкости — сильная женщина. Трагедия Бессмертновой оправдана и внутренней психологией балета: в минуты сомнений и неверия Спартак ищет поддержки и опоры во Фригии. «Реквием». Какое отчаяние, какую скорбь несет танец Бессмертновой в этой сцене! Каждое движение, как крик, как плач... Скупыми средствами передает актриса трагедию Фригии. Но они не обедняют, а поднимают образ до обобщения.

В творчестве Бессмертновой был большой перерыв. И только несколько партий станцевала она в конце сезона. Но они показали, что балерина пришла к зрелости не количеством ролей, а качеством.

Было бы великой несправедливостью, рассказывая о Наталье Бессмертновой, не сказать о Марине Тимофеевне Семеновой, которая стоит за всеми ролями и победами балерины. Семенова — педагог. Это значит, что требовательность ее не знает границ, что ее творческое начало было для Бессмертновой фундаментом мастерства, что она и чутка, и щедро... Учительница бережно охраняет индивидуальность ученицы, добивается ее актерского и технического совершенства. Впереди у них много работ.

В следующем сезоне балерина будет готовить Китри в «Дон Кихоте». Джульетту в балете Прокофьева «Ромео и Джульетта». Быть может, это прозвучит банально, но я не могу не пожелать Бессмертновой и ее прекрасному педагогу больших творческих успехов.

Н. ПЛЕХАНОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из балета «Щелкунчик». Маша — Н. БЕССМЕРТНОВА, Щелкунчик — Принц-артист М. ЛАВРОВСКИЙ.

Фото Л. ЖДАНОВА (ТАСС).